
Анна Казакова

КОМУ НУЖНА СОЦИАЛЬНАЯ МИМИКРИЯ? ТИПЫ ИМИТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

В статье предлагается теоретическое переосмысление феномена социальной мимикрии как устойчивой стратегии поведения, возникающей в условиях институциональных ограничений, неравенства ресурсов и асимметрии властных отношений. Отталкиваясь от понятийной размытости, при которой мимикрия часто отождествляется с конформизмом, имитацией или девиацией, автор уточняет ее аналитический статус и рассматривает как осознанное воспроизводство ожидаемых норм при сохранении альтернативных установок и интересов. Анализ строится на сопоставлении ключевых теоретических подходов, объясняющих мимикрию через различные механизмы: культурную дезориентацию и утрату устойчивых ориентиров, структурные ограничения и дефицит возможностей, символическое производство статуса, а также асимметрию власти и культурную гибридность. Показано, что мимикрия не сводится к одному типу поведения, а формируется на пересечении этих факторов, выступая как гибкая стратегия адаптации к различным социальным контекстам. На основе теоретического синтеза выделяются три аналитических типа социальной мимикрии. Первый — адаптивная мимикрия, характерная для акторов, встроенных в иерархические институциональные структуры и вынужденных демонстрировать соответствие формальным требованиям в условиях ограниченных ресурсов. Второй — статусная мимикрия, связанная с конкуренцией за символический капитал и воспроизводством признаков социального успеха в медиатизированной культуре. Третий — подрывная мимикрия, функционирующая как стратегия слабых акторов в асимметричных отношениях власти и позволяющая одновременно воспроизводить и трансформировать доминирующие нормы. Особое внимание уделяется значению мимикрии для исследований социальной политики. Показано,

Анна Юрьевна Казакова — д. с. н., доцент, в. н. с. отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН, Москва, Россия. Электронная почта: kazakova.a.u@yandex.ru

что ее распространение затрудняет идентификацию целевых групп социальной поддержки, искажает показатели благополучия и усиливает формализацию практик оказания помощи. В заключение обозначаются перспективы эмпирического изучения мимикрии, включая разработку инструментов ее операционализации и анализ поведенческих стратегий в различных институциональных контекстах.

Ключевые слова: социальная мимикрия, адаптивные стратегии, символический капитал, асимметрия власти, социальная политика

Цитирование: Казакова А. Ю. (2026) Кому нужна социальная мимикрия? Типы имитационных стратегий в социологических концепциях. *Журнал исследований социальной политики*, 24 (1): 195–210.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-195-210

Понятие социальной мимикрии присутствует в социологическом тезаурусе фрагментарно и используется преимущественно как метафора для обозначения имитационных практик в различных социальных средах. В общественно-политических и научных дискуссиях продукты таких практик описываются через широкий набор контекстуальных обозначений — эрзац, квази-структуры, фальшивка, подделка, фикция, симуляция, фейк. Подобные характеристики применяются, например, к анализу поведения политических и экономических элит, которые демонстрируют «повышенную способность к социальной адаптации, присваивая себе идеи и смыслы, ценностно значимые для любой социальной группы» (Никитин, Трусова 2017: 56–57), или к описанию молодежных культур, где фиксируется имитативная «духовность, при которой традиционные ценности изменяют свое содержание или теряют его вообще» (Балаева 2015: 49). В результате термин «мимикрия» оказывается связан с широким кругом явлений — от подражания и имитации до маскировки, камуфляжа, притворства и символической игры.

При этом само понятие используется в социологии сравнительно редко и остается теоретически неопределенным. В справочной литературе мимикрия трактуется как «защитное приспособление индивида или группы, имитирующих поведение и мнение окружения» (Энциклопедия социологии 2009), позволяющее избегать санкций или добиваться одобрения через демонстрацию внешнего согласия (Лубский 2006). Интерпретация социальной мимикрии как адаптивной стратегии, основанной на сознательном уподоблении окружающей среде с целью выживания или достижения благополучия через сокрытие подлинных ценностных ориентаций и намерений, носит рационально-прагматический характер и предполагает целенаправленное управление социальным впечатлением. Ее результативность, однако, парадоксальна: успешная мимикрия остается невидимой для наблюдателя, поскольку признание в ней возможно лишь постфактум, а надежные инструменты ее диагностики в социологии отсутствуют.

Отчасти этим объясняется отсутствие эмпирических исследований мимикрии в социологии. Значительно более разработанной оказывается психологическая традиция, где понятие интерпретируется как врожденный и преимущественно бессознательный механизм межличностной координации. В рамках этой линии исследований оно описывается через концепции подражания и заражения (Г. Тард), конгруэнтности (Ч. Осгуд, П. Таннебаум), социального зеркала (В. Дильтей, Ч. Х. Кули, Ч. Уайтхэд), отзеркаливания (М. Эриксон), социального научения (А. Бандура), эффекта хамелеона (Т. Шарtrand, Д. Барг) и конформизма (С. Милграм, С. Аш). Мимикрия трактуется как универсальный автоматизм подстройки к невербальным сигналам и речевому поведению партнера, способствующий установлению доверия, взаимопомощи и симпатии (Arnold, Winkielman 2020; Lakin et al. 2003; Guéguen et al. 2009). Однако подобные интерпретации практически не затрагивают вопрос о социальном смысле и целесообразности имитационных практик.

Для социологического анализа принципиально важным оказывается иное измерение феномена — его связь с неравенством ресурсов, асимметрией власти и институциональными ограничениями. В отличие от психологической мимикрии, возникающей как спонтанная форма межличностного взаимодействия, социальная мимикрия может рассматриваться как стратегия адаптации акторов, находящихся в уязвимом положении и вынужденных маскировать собственные установки или интересы для сохранения доступа к социальным ресурсам. Уже Р. Кайуа отмечал, что мимикрия характерна прежде всего для слабых субъектов, лишенных более эффективных средств защиты или противостояния (Кайуа б/г). В этом смысле ключевой характеристикой феномена становится дефицитарность — ситуация ограниченности возможностей, побуждающая акторов прибегать к имитационным стратегиям. С этой точки зрения мимикрия представляет интерес для социологии как форма адаптивного поведения в условиях институциональной неопределенности и конфликтов норм. Однако в литературе различные интерпретации феномена остаются разрозненными и принадлежат разным теоретическим традициям — от теорий социального характера и аномии до культурных и постколониальных концепций. Это затрудняет формирование целостной аналитической рамки, позволяющей рассматривать мимикрию как специфическую стратегию социального действия.

Цель настоящего обзора — систематизировать основные социологические подходы к анализу социальной мимикрии и показать, какие социальные типы акторов и механизмы адаптации они позволяют выявить. Особое внимание уделяется интерпретации мимикрии как стратегии поведения, возникающей в условиях структурных ограничений, дефицита ресурсов и асимметрии властных отношений. Такая перспектива позволяет рассматривать мимикрию не только как культурный или психологический феномен, но и как важный элемент взаимодействия акторов с социальными институтами и нормативными режимами современного общества.

В данной статье социальная мимикрия рассматривается как особая форма адаптивного поведения, отличная от конформизма. Если конформизм предполагает внутреннее принятие норм и ожиданий среды, то мимикрия основана на демонстративном воспроизводстве ожидаемого поведения при сохранении альтернативных установок и интересов. Такая стратегия возникает прежде всего в условиях дефицита ресурсов, асимметрии властных отношений и институциональных ограничений, когда открытое несогласие или прямое противодействие оказываются слишком рискованными для акторов.

Социальная база мимикрии в социологических концепциях

Анализ социологической и междисциплинарной литературы позволяет выделить несколько теоретических подходов к интерпретации социальной мимикрии. Несмотря на различия в исходных предпосылках, все они рассматривают мимикрию как форму адаптивного поведения, возникающую в условиях институционального давления, неравенства ресурсов и неопределенности социальных правил. Различия между подходами касаются прежде всего того, какие механизмы лежат в основе мимикрии и какие социальные группы становятся ее носителями. На основе анализа литературы можно выделить четыре концептуальные модели объяснения социальной мимикрии (см. табл.).

Каждая из них акцентирует разные факторы возникновения мимикрии, иначе интерпретирует ее общественную роль и указывает на различные социальные группы, для которых подобная стратегия оказывается наиболее характерной. В совокупности эти подходы позволяют рассматривать мимикрию не как единичное девиантное явление, а как устойчивую стратегию поведения, возникающую в разных институциональных контекстах.

Таблица отражает четыре аналитические рамки: фрейдомарксистскую интерпретацию мимикрии как формы конформизма, структурно-функциональный подход, объясняющий мимикрию через институциональные дисфункции и дефицит ресурсов, культурно-перформативные теории, рассматривающие мимикрию как игру и форму символического самоконструирования, а также постколониальные концепции, трактующие мимикрию как стратегию подрыва и переопределения властных отношений.

Бюрократическая мимикрия: между конформизмом и ролевой дистанцией

В ряде аномических и культурно-психологических интерпретаций социальная мимикрия трактуется как разновидность конформизма, возникающая в условиях социальной дезориентации и институциональной нестабильности. В этих подходах мимикрия рассматривается прежде всего как симптом культурной травмы и утраты устойчивых моделей адаптации.

Таблица

Сравнение концептуальных рамок анализа социальной мимикрии

<i>Характеристики</i>	<i>Конформная мимикрия</i>	<i>Дефицитная мимикрия</i>	<i>Перформативная мимикрия</i>	<i>Подрывная мимикрия</i>
Подход	Культурно-психологический (критическая традиция)	Структурно-функциональный	Культурно-перформативный ((пост)структурализм)	Постколониальный
Первоисточник	Э. Фромм	Р. Мертон	Р. Кайуа	Х. Бхабха
Ключевой механизм	Социальный характер и нормативное давление	Адаптационные стратегии в условиях дефицита ресурсов	Перформанс, маска, символическое воспроизводство статуса	Гегемония, гибридность, смещение значений
Факторы	Аномия, отчуждение, культурная дезориентация, массовая культура	Неравенство возможностей, институциональные ограничения, статусные ожидания	Медиатизация, экономика впечатлений, престижное потребление	Асимметрия власти, культурное доминирование, дискриминация
Общественная роль	Преимущественно стабилизирующая (через воспроизводство норм)	Амбивалентная, с уклоном в дестабилизацию	Преимущественно конструктивная (через производство символических различий)	Амбивалентная, с подрывным потенциалом
Социальная база	Акторы в условиях нормативного давления и отчуждения	Акторы с ограниченными ресурсами в институциональных структурах	Акторы, вовлеченные в производство и потребление символического капитала	Акторы в асимметричных властных отношениях

Так, в работах, посвященных социальному характеру постсоветского общества, она описывается как следствие социально-экономической нестабильности и массовой дезидентификации, порождающей «отсутствие четких моделей эффективной адаптации» (Шустова и др. 2015: 69). В этой логике мимикрия часто интерпретируется как невротический конформизм, формирующийся под воздействием массовой культуры и отчуждения. Однако подобное отождествление проблематично. Э. Фромм, к которому обычно апеллируют сторонники такой трактовки, лишь сравнивал «бегство от свободы» с мимикрией, но не сводил эти явления друг к другу (Фромм 2006: 194). В его концепции конформизм связан с формированием садомазохистского социального характера, характерного прежде всего для «низов среднего класса» (там же: 173), и выступает механизмом добровольного подчинения авторитарным структурам. В отличие от мимикрии, он предполагает интериоризацию господствующих норм и ценностей.

Сходным образом состояние постсоветского общества интерпретирует С. Кара-Мурза, рассматривающий мимикрию как разновидность мертоновского конформизма и связывающий ее с культурной травмой, вызванной резкой сменой идеологических ориентиров (Кара-Мурза 2013: 114–115). По его мнению, длительное обесценивание прежних символов и социальных достижений приводит к деморализации и сужению «горизонта будущего» (там же: 35), а заимствование институциональных моделей нередко принимает форму символического подражания, напоминающего каргокульты (Кара-Мурза 2005).

Тем не менее уравнивание мимикрии и конформизма ведет к утрате ключевого признака мимикрии — ее стратегической осознанности. Если конформизм предполагает внутреннее принятие норм, то мимикрия основана на демонстративном воспроизводстве ожидаемого поведения при сохранении внутренней дистанции. Именно эта дистанция создает пространство относительной свободы в условиях жестко регламентированных социальных ролей (Фромм 2006; Лизунова 2012: 39; Кайуа 2007: 149).

Подобная стратегия особенно характерна для бюрократических и дисциплинарных организаций. В среде «жадных институтов» и карцерных структур мимикрия позволяет актору формально соответствовать нормативным ожиданиям, одновременно сохраняя автономию собственной идентичности. Если конформизм означает полную лояльность институту и идентификацию с ролью, то мимикрия создает иллюзию согласия, позволяя дистанцироваться от навязанных норм. В этом смысле мимикрия становится специфической стратегией поведения в среде бюрократии и административных организаций. Ее носителями оказываются акторы с неполным или условным членством в институтах — служащие, чиновники и другие участники формализованных структур, для которых демонстрация соответствия правилам выступает необходимым условием профессионального и статусного выживания.

Мимикрия как стратегия адаптации в условиях дефицита возможностей

В социологических интерпретациях мимикрия часто объясняется через сочетание двух механизмов — социального контроля и социального обмена. В первом случае мимикрия возникает как реакция на давление властных отношений, во втором — как способ извлечения выгоды в условиях ограниченных ресурсов. В обоих случаях она выступает формой адаптивного поведения, позволяющей актору избегать прямой конфронтации и минимизировать издержки взаимодействия со средой. Мимикрия оказывается стратегией выживания: она предполагает отказ от открытого противостояния и экономию ресурсов в ситуациях, когда вероятность успеха активных действий оценивается как низкая. Такое понимание феномена позволяет рассматривать мимикрию как поведенческую стратегию, характерную прежде всего для акторов, испытывающих дефицит возможностей. В условиях неопределенности правил, взаимного недоверия и ограниченности ресурсов демонстрация внешнего согласия может оказаться более рациональной, чем открытое сопротивление или прямое несогласие.

Показательно, что в работах Фромма мимикрия связана не только с поведением подчиненных акторов, но и с практиками политического лидерства. Анализируя феномен «бегства от свободы», Фромм указывает на фигуру лидера, который стремится компенсировать внутреннюю неуверенность и слабость собственной идентичности через символическое отождествление с массами (Фромм 2006: 168). В современной политике подобные практики часто описываются через понятие политической мимикрии, связанной с популистскими стратегиями демонстративной близости к избирателям и попытками «слиться» с электоратом (Скорченко 2021: 68). Такая ситуация указывает на дефицит признания и легитимности, возникающий в политических системах, где сосуществуют авторитарные и демократические институциональные логики.

Структурное объяснение мимикрии позволяет увидеть ее связь с теорией аномии Р. Мертона. В условиях, когда социальная структура ограничивает возможности следования институционально одобряемым способам достижения целей, возникает широкий спектр адаптивных стратегий, часть которых принимает форму девиантного поведения (Мертон 2006: 247). В этой перспективе мимикрия оказывается близкой к таким типам адаптации, как инновация и ритуализм: акторы формально воспроизводят нормативные ожидания, одновременно модифицируя реальные практики поведения.

Неслучайно в ранних отечественных исследованиях социальная мимикрия интерпретировалась через категорию аберрантности, предложенную Мертоном для обозначения скрытых форм отклонения от нормативных требований (Никольский 1987). Подобные стратегии особенно характерны для представителей среднего класса и различных профессиональных групп, вовлеченных в бюрократические и организационные структуры. В этой среде мимикрия

проявляется в ритуализированном следовании формальным правилам при одновременном дистанцировании от их содержательного смысла.

Аналогичные механизмы проявляются и в ситуациях социальной стигматизации. В классическом анализе «испорченной идентичности» Э. Гофмана стратегии сокрытия и маскировки стигмы рассматриваются как способ сохранения социальной принадлежности и защиты личной автономии (Гофман б/г). Индивид может утаивать стигматизирующий признак или представлять его в социально приемлемой форме, чтобы избежать вторжения в частную сферу и сохранить возможность участия в повседневных взаимодействиях. Подобные стратегии наблюдаются, например, в случаях сокрытия гомосексуальности через гетеросексуальный брак (Кон 2003: 48) или в практиках культурной ассимиляции этнических меньшинств, стремящихся скрыть свою принадлежность (Petrović 2019: 215).

Таким образом, мимикрия может рассматриваться как намеренное искажение сигналов социальной идентичности, направленное на предотвращение нежелательной идентификации акторов и их поведенческих «дисплейев». Именно это отличает ее как от бессознательной психологической подстройки, так и от открытых форм сопротивления (ретритизма или бунта), а также от искреннего конформизма, предполагающего внутреннее принятие нормативных ожиданий.

Возникновение подобных стратегий особенно вероятно в институциональных контекстах, характеризующихся высокой степенью иерархичности, ритуализации и табуирования коммуникаций. В таких условиях открытое выражение сомнений или несогласия становится затруднительным, а неопределенность социальных правил — хронической. Именно поэтому эмпирическая диагностика мимикрии в социологических исследованиях остается осложненной: успешная мимикрия предполагает, что она остается незамеченной.

Мимикрия как игра и символическое производство статуса

В культурно-перформативных теориях мимикрия интерпретируется не как вынужденная адаптация к институциональному давлению, а как форма социальной игры и публичного самоконструирования. В этих подходах воспроизводство масок, ролей и образов рассматривается как необходимый элемент символического порядка общества. Начиная с работ М. Бахтина, подчеркивается, что карнавальные формы временного переворачивания социальных иерархий выполняют функцию символической разрядки напряжения и позволяют участникам взаимодействия выйти за пределы жестко закрепленных ролей. Маскарад создает пространство временного равенства и выступает каналом обратной связи, позволяющим обходить формальные социальные и бюрократические барьеры (Волошина 2025: 226). В этом смысле

различные формы публичного перформанса (от карнавальных практик до современных медийных форм участия) выполняют социализационные и интегративные функции, расширяя социальное знание и позволяя временно примерять альтернативные социальные позиции.

Связь мимикрии с игрой и символическим статусом была одной из центральных тем в работах Т. Веблена. Анализируя «праздный класс», он показал, что демонстративное потребление выступает важнейшим механизмом символического подтверждения социального статуса. Показное потребление и участие в различных формах «хищного досуга» (охоте, спорте, соревнованиях) имеют выраженный театрализованный характер и предполагают активное использование притворства и символических атрибутов статуса (Веблен 1984). В этом контексте мимикрия становится способом воспроизводства статусных различий: акторы воспроизводят престижные модели поведения, даже не обладая соответствующими ресурсами.

К середине XX в. идеи игровой природы социального поведения получили дальнейшее развитие в теориях постиндустриальной культуры. В работах Р. Кайуа, Г. Дебора, Ж. Бодрийяра и других авторов подчеркивается, что медиатизация общественной жизни превращает символические образы и представления в самостоятельный ресурс власти и влияния. В условиях общества спектакля социальная реальность все в большей степени воспроизводится через образы, знаки и медийные репрезентации. Как отмечает Г. Дебор, развитие рыночной экономики приводит к тому, что «подлинная действительность подтачивается сверхразвитой рыночной экономикой», а социальная жизнь начинает требовать постоянного символического подтверждения через производство видимости (Дебор 1999: 22). В этой системе центральную роль играет буржуазия, а также бюрократические структуры, участвующие в создании и распространении символических форм потребления и образов успеха (там же: 40).

Механизмы производства подобных иллюзий подробно анализирует Д. Бурстин. Он показывает, что массовая культура формирует устойчивый спрос на псевдособытия, псевдоприключения и псевдознание, создавая иллюзию причастности к миру славы и исключительности (Boorstin w/y). Медиа вовлекают аудиторию в производство этих образов, стирая границу между наблюдением и участием и тем самым усиливая зависимость от символических форм признания. В результате ориентация на участие в подобных событиях становится способом повышения социального статуса: информированность и вовлеченность начинают функционировать как признаки избранности.

В условиях экономики впечатлений слава и репутация превращаются в особый вид социального капитала. Поскольку доступ к этому ресурсу ограничен, борьба за символическое признание принимает формы, сходные с описанными Р. Мертоном стратегиями адаптации. Ритуализм в этой сфере проявляется в имитации признаков славы и успеха: участие в телевизионных проектах, демонстративное потребление, «гламурная» стилизация повсед-

невности или использование символического ореола брендов. Такие практики позволяют актору временно присваивать признаки высокого статуса, не обладая соответствующими достижениями (Parnaby, Sacco 2004: 18).

В результате формируется особый тип мимикрии, связанный с производством и воспроизводством символического капитала. Его носителями становятся представители медиасферы, индустрии развлечений и креативных профессий, а также широкие слои среднего класса, активно вовлеченные в производство и потребление образов «гламура» и знаменитости. В этой среде мимикрия выступает не столько стратегией выживания, сколько способом участия в символической экономике статуса, где ключевыми ресурсами становятся имидж, репутация и публичная видимость.

Мимикрия как подрыв

В постколониальных и критических теориях мимикрия рассматривается не только как форма адаптации или символической игры, но и как специфическая стратегия взаимодействия с властными иерархиями. В отличие от открытого сопротивления, мимикрия действует через воспроизводство норм доминирующего порядка, одновременно искажая их и тем самым подрывая их устойчивость. Эта двойственность хорошо описывается через фигуру трикстера, для которого буквальное и подчеркнуто точное исполнение правил обнажает их условность. В подобных практиках подчинение и насмешка оказываются неразличимыми: воспроизводя норму, актер одновременно демонстрирует ее искусственность. В случае коллективного воспроизводства таких стратегий мимикрия может приобретать форму скрытого сопротивления, как, например, в практиках «итальянской забастовки», где формальное следование инструкциям приводит к параличу системы.

Наиболее последовательное теоретическое осмысление мимикрии как стратегии подрыва представлено в работах Х. Бхабхи. Анализируя процессы колониального господства, он показывает, что мимикрия возникает в ситуации культурной асимметрии и проявляется как «иронический компромисс» между доминирующей и подчиненной культурами (Бхабха 2020).

Воспроизводя нормы метрополии, колониальный субъект неизбежно модифицирует их, создавая эффекты «смещения, избыточности и различия» (там же), которые подрывают претензию власти на культурную целостность и универсальность. Именно поэтому мимикрия вызывает у колонизатора постоянное подозрение: она выглядит как подчинение, но всегда содержит возможность насмешки и дискредитации.

В этой перспективе мимикрия оказывается не просто адаптивной стратегией, а способом символического переопределения властных отношений. Однако ее возможности ограничены структурными условиями. Как отмечает Г. Спивак, формы сопротивления, характерные для западных обществ, не воспроизводимы в колониальном и постколониальном контексте из-за

институциональных ограничений и исключения «субалтернов» из равноправного диалога (Spivak 1988: 288). Дискриминационные режимы труда, отсутствие социальных гарантий и намеренное удержание подчиненных групп вне полноценной экономической и политической включенности делают прямое сопротивление неэффективным или невозможным. В этих условиях мимикрия становится одной из немногих доступных стратегий действия.

Связанные с этим практики часто принимают форму «тактик ухода» и обхода, описанных в работах Дж. Скотта, М. де Серто и других исследователей повседневного сопротивления. Речь идет о скрытых, рассредоточенных формах действия, которые не направлены на прямое изменение системы, но позволяют ослаблять ее контроль на микроуровне. В этом контексте мимикрия выступает как повседневная практика перераспределения власти в условиях ее формальной асимметрии.

Современные трансформации мобильности и труда усиливают распространение подобных стратегий. Развитие транснациональных форм занятости, миграции и цифровых коммуникаций приводит к формированию групп, существующих на пересечении различных культурных и институциональных порядков. В исследованиях цифрового номадизма подчеркивается, что высокая мобильность, билингвизм и расширенный репертуар социальных ролей создают условия для постоянного переключения идентичностей и форм поведения (Кужелева-Саган, Сучкова 2018: 109). В этих условиях мимикрия становится не исключением, а нормой повседневного взаимодействия.

Таким образом, в постколониальной и современной мобильной перспективе мимикрия предстает как стратегия, возникающая на пересечении неравенства, культурной гибридности и ограниченных возможностей прямого действия. Ее носителями становятся акторы, включенные в асимметричные отношения власти — от колониальных посредников до современных мобильных профессиональных групп. В отличие от адаптивной мимикрии, направленной на выживание, и статусной мимикрии, связанной с символическим признанием, подрывная мимикрия ориентирована на переработку и частичное размывание доминирующих норм.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать социальную мимикрию не как единичное девиантное явление, а как устойчивую стратегию поведения, возникающую в различных институциональных и культурных контекстах. Сопоставление теоретических подходов показывает, что мимикрия объясняется через несколько взаимодополняющих механизмов: аномию и дезидентификацию (аномические интерпретации), структурные ограничения и дефицит возможностей (структурно-функциональный подход), символическое производство статуса (культурно-перформативные теории), а также асимметрию власти и культурную гибридность (постколониальные концепции). Обобщение

этих подходов позволяет выделить три аналитических типа социальной мимикрии. Во-первых, адаптивная мимикрия, возникающая в условиях институционального давления и ограниченных ресурсов и характерная для акторов, встроенных в иерархические организационные структуры. Во-вторых, статусная мимикрия, связанная с воспроизводством символического капитала и конкуренцией за признание в медиатизированной культуре. В-третьих, подрывная мимикрия, функционирующая как стратегия слабых акторов в асимметричных отношениях власти и позволяющая одновременно воспроизводить и трансформировать доминирующие нормы. Тем самым статья предлагает рассматривать мимикрию как многомерный феномен, включающий разные логики действия, а не сводимый к конформизму или девиации.

С точки зрения социальной политики мимикрия имеет принципиальное значение как фактор, искажающий взаимодействие между государственными институтами и гражданами. В условиях распространения адаптивной мимикрии формальное соответствие нормативным требованиям может маскировать реальные потребности и практики, затрудняя точную идентификацию целевых групп социальной поддержки. В свою очередь, статусная мимикрия усиливает давление потребительских стандартов и может способствовать скрытому воспроизводству неравенства, в том числе через стратегии демонстративного соответствия «среднему уровню». Наконец, подрывная мимикрия проявляется в обходных и неформальных практиках взаимодействия с институтами, что снижает прозрачность и предсказуемость социальных программ. В этих условиях мимикрия выступает не только индивидуальной стратегией, но и системным вызовом для социальной политики, поскольку она размывает границы между формальным соблюдением правил и их фактическим содержанием. Это требует пересмотра подходов к разработке и реализации мер социальной поддержки, включая усиление адресности, развитие гибких форм помощи и учет не только формальных показателей, но и поведенческих стратегий получателей.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой эмпирических инструментов анализа мимикрии в различных институциональных контекстах. В частности, актуальными представляются исследования бюрократических практик в системах социальной помощи, стратегий адаптации домохозяйств в условиях неравенства, а также форм символического и повседневного сопротивления в цифровой и транснациональной среде. Отдельного внимания требует операционализация мимикрии как наблюдаемого феномена, поскольку ее ключевое свойство, скрытность, существенно осложняет эмпирическую фиксацию и измерение.

Список источников

- Бхабха Х. (2020) *Мимикрия и человек. Двойственность колониального дискурса*. М.: НЛЮ.
- Балаева А. Р. (2015) Духовная безопасность молодежи в условиях глобализации. *Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Грозный, 19 декабря 2015 года*. Грозный: Чеченский государственный педагогический институт: 49–55.

- Веблен Т. (1984) *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
- Волошина С. (2025) «Истинная вакханалия абсолютной власти»: маскарады Николая I. *Логос*, 35 (2): 193–232.
- Гофман И. (б/г) *Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью*. Доступно по ссылке: <https://gigabaza.ru/doc/72756.html> (дата обращения: 30 мая 2025).
- Дебор Г. (1999) *Общество спектакля*. М.: Логос.
- Кайуа Р. (2007) *Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры*. М.: ОГИ.
- Кайуа Р. (б/г) *Мимикрия и легендарная психастения*. Доступно по ссылке: <https://textarchive.ru/c-1103881-pall.html> (дата обращения: 30 мая 2025).
- Кара-Мурза С.Г. (2005) Угасание рациональности: имитация. *Наши Современники*, 09. Доступно по ссылке: <https://pub.wikireading.ru/hkEKarbDIX> (дата обращения: 30 мая 2025).
- Кара-Мурза С.Г. (2013) *Аномия в России: причины и проявления*. М.: Научный эксперт.
- Кон И. С. (2003) *Лики и маски однополюсной любви. Лунный свет на заре*. Москва: АСТ.
- Кужелева-Саган И.П., Сучкова Н. А. (2018) Цифровое кочевничество в среде томских студентов: идентификация и самоидентификация. *Сибирский психологический журнал*, (67): 102–114.
- Лизунова Е. А. (2012). Коммуникативная мимикрия и ее типы. *СибСкринт*, 4 (4): 37–41.
- Лубский А. В. (2006) Мимикрия социальная. А. В. Лубский, Л. И. Бойко, Ю. Г. Волков, Г. И. Герасимов, В. В. Касьянов и др. (ред.) *Социология. Словарь-справочник*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3SayEc> (дата обращения: 15 декабря 2025).
- Мертон Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ.
- Никитин В. И., Трусова А. С. (2017) К проблеме социальной мимикрии: эрзац-элита. О. С. Синепупова, Н. В. Антоненко, М. Н. Гусева, П. В. Ерин, Е. С. Бабкина (ред.) *Государство, власть, общество: от истории к современности: сборник научных статей, выпуск I*. Мичуринск: Мичуринский государственный аграрный университет: 55–57.
- Никольский С. А. (1987) Перестройка общественного сознания и преодоление административно-бюрократического типа управления. *Вопросы философии*, (12): 110–118.
- Скорченко Ю. А. (2021) Политические мимикрия и популизм как гештальт-технологии. *Архонт*, 4 (25): 68–74.
- Фромм Э. (2006) *Бегство от свободы. Человек для себя*. М.: АСТ: АСТ Москва.
- Шустова Н. Е., Киселева М. А., Карина О. В. (2015) Социальная мимикрия как адаптивный способ взаимодействия личности с социумом в неблагоприятных условиях. *Научный вестник МГИИТ*, 36 (4): 66–69.
- Энциклопедия социологии (2009) Мимикрия социальная. Доступно по ссылке: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/fc/slovar-204-3.htm#zag-2164> (дата обращения: 15 декабря 2025).
- Arnold A. J., Winkelman P. (2020) The Mimicry among Us: Intra- and Inter-Personal Mechanisms of Spontaneous Mimicry. *Journal of Nonverbal Behavior* (44): 195–212.
- Boorstin D. J. (w.y.) *The Image: A Guide to Pseudo-Events in America*. Available at: <https://clck.ru/3SazdB> (accessed 30 May 2025).
- Guéguen N., Jacob C., Martin A. (2009) Mimicry in Social Interaction: Its Effect on Human Judgment and Behavior. *European Journal of Social Sciences*, 8 (2): 253–259.
- Lakin J. L., Jefferis V. E., Cheng C. M., Chartrand T. L. (2003) The Chameleon Effect as Social Glue: Evidence for the Evolutionary Significance of Nonconscious Mimicry. *Journal of Nonverbal Behavior*, (27): 145–162.
- Parnaby P., Sacco V. (2004) Fame and Strain: The Contributions of Mertonian Deviance Theory to an Understanding of the Relationship Between Celebrity and Deviant Behavior. *Deviant Behavior*, 25 (1): 1–26.
- Petrović J. (2019) Language Practices of the Romani Community in Serbia: Inclusion or Response to the Stigma? *RUDN Journal of Sociology*, 19 (2): 212–221.
- Spivak G. C. (1988) Can the Subaltern Speak? In: C. Nelson, L. Grossberg (eds.) *Marxism and the Interpretation of Culture*. London: Macmillan Education LTD: 271–313.

Anna Kazakova

WHO NEEDS SOCIAL MIMICRY? TYPES OF IMITATIVE STRATEGIES IN SOCIOLOGICAL THEORIES

This article provides a fresh theoretical perspective on social mimicry, presenting it as a consistent behavioural strategy that emerges in situations of institutional constraints, resource inequality, and asymmetrical power relations. Addressing the conceptual ambiguity whereby mimicry is often conflated with conformity, imitation, or deviance, the author clarifies its analytical status, conceptualising it as the conscious reproduction of expected norms whilst maintaining alternative dispositions and interests. The analysis is based on a comparative examination of key theoretical approaches explaining mimicry through various mechanisms, such as cultural disorientation and the loss of stable reference points; structural constraints and limited opportunities; the symbolic production of status; and power asymmetries and cultural hybridity. The article demonstrates that mimicry is not a single type of behaviour, but rather emerges at the intersection of these factors and functions as a flexible adaptation strategy to diverse social contexts. Based on this theoretical synthesis, three analytical types of social mimicry are identified. The first is adaptive mimicry, which is characteristic of individuals embedded in hierarchical institutional structures and who are compelled to demonstrate compliance with formal requirements under conditions of limited resources. The second type is status mimicry, which is associated with the competition for symbolic capital and the reproduction of markers of social success in a mediatised culture. The third type is subversive mimicry, which functions as a strategy for weaker actors within asymmetrical power relations, enabling them to simultaneously reproduce and transform dominant norms. Particular attention is paid to the significance of mimicry for social policy research. It is shown that the proliferation of mimicry complicates the identification of target groups for social support, distorts indicators of well-being, and reinforces the formalisation of welfare provision practices. The article concludes by outlining prospects for empirical research on mimicry, including the development of tools to operationalise it and analyse of behavioural strategies across different institutional contexts.

Keywords: social mimicry, adaptive strategies, symbolic capital, power asymmetry, social policy

Citation: Kazakova A. (2026) Komu nuzhna sotsial'naya mimikriya? Tipy imitatsionnykh strategiy v sotsiologicheskikh kontseptsiyakh [Who Needs Social Mimicry? Types of Imitative Strategies in Sociological Theories]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 24 (1): 195–210.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-195-210

References

- Arnold A. J., Winkielman P. (2020) The Mimicry among Us: Intra- and Inter-Personal Mechanisms of Spontaneous Mimicry. *Journal of Nonverbal Behavior* (44): 195–212.
- Balaeva A. R. (2015) Dukhovnaya bezopasnost' molodezhi v usloviyakh globalizatsii [The Spiritual Security of Youth in the Context of Globalization]. In: *Gumanitarnoe znanie i dukhovnaya bezopasnost': Sbornik materialov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Groznyy, 19 dekabrya 2015 goda* [Humanitarian Knowledge and Spiritual Security: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Grozny, December 19, 2015]. Grozny: Chechen State Pedagogical Institute: 49–55.
- Bhabha H. (2020) Mimikriya i chelovek. Dvoystvennost' kolonial'nogo diskursa [Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse]. Moscow: New Literary Review.
- Boorstin D. J. (w.y.) *The Image: A Guide to Pseudo-Events in America*. Available at: <https://clck.ru/3SazdB> (accessed 30 May 2025).
- Debor G. (1999) *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Moscow: Logos.
- Encyclopedia of Sociology (2009) *Mimikriya sotsial'naya* [Social Mimicry]. Available at: <https://clck.ru/3Saydt> (accessed 15 December 2025).
- Fromm E. (2006) *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from Freedom. A Man for Himself]. Moscow: ACT: ACT Moscow.
- Goffman E. (without a year) Stigma: Zametki ob upravlenii isporchennoy identichnost'yu [Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity]. Available at: <https://gigabaza.ru/doc/72756.html> (assessed 30 May 2025).
- Guéguen N., Jacob C., Martin A. (2009) Mimicry in Social Interaction: Its Effect on Human Judgment and Behavior. *European Journal of Social Sciences*, 8 (2): 253–259.
- Kara-Murza S.G. (2005) Ugasanie ratsional'nosti: imitatsiya [The Extinction of Rationality: Imitation]. *Our Contemporary*, 09. Available at: <https://pub.wikireading.ru/hkEKarbdIX> (assessed 30 May 2025).
- Kara-Murza S.G. (2013) *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: Causes and Manifestations]. Moscow: Scientific Expert.
- Kayua R. (2007) *Igry i lyudi; Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Games and People; Articles and Essays on the Sociology of Culture]. Moscow: OGI.
- Kayua R. (w.y.) *Mimikriya i legendarnaya psikhasteniya* [Mimicry and legendary psychasthenia]. Available at: <https://textarchive.ru/c-1103881-pall.html> (assessed 30 May 2025).
- Kon I. S. (2003) Liki i maski odnopoloy lyubvi. Lunnyy svet na zare [Faces and Masks of Same-Sex Love. Moonlight at Dawn]. Moscow: AST.
- Kuzheleva-Sagan I.P., Suchkova N. A. (2018) Tsifrovoe kochevnichestvo v srede tomских studentov: identifikatsiya i samoidentifikatsiya [Digital Nomadism among Tomsk Students: Identification and Self-Identification]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Psychological Journal], (67): 102–114.

- Lakin J. L., Jefferis V. E., Cheng C. M., Chartrand T. L. (2003) The Chameleon Effect as Social Glue: Evidence for the Evolutionary Significance of Nonconscious Mimicry. *Journal of Nonverbal Behavior*, (27): 145–162.
- Lizunova E. A. (2012) Kommunikativnaya mimikriya i ee tipy [Communicative Mimicry and Its Types]. *SibScript*, 4 (4): 37–41.
- Lubskiy A. V. (2006) Mimikriya sotsial'naya [Social Mimicry]. In: A. V. Lubskiy, L. I. Boyko, Yu. G. Volkov, G. I. Gerasimov, V. V. Kas'yanov et al. (eds.) *Sotsiologiya. Slovar'-spravochnik* [Sociology. Dictionary Reference]. Available at: <https://clck.ru/3SayEc> (accessed 15 December 2025).
- Merton R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: ACT.
- Nikitin V. I., Trusova A. S. (2017) K probleme sotsial'noy mimikrii: erzats-elita [On the Problem of Social Mimicry: The Ersatz Elite]. In: O. S. Sinepupova, N. V. Antonenko, M. N. Guseva, P. V. Erin, E. S. Babkina (eds.) *Gosudarstvo, vlast', obshchestvo: ot istorii k sovremennosti: sbornik nauchnykh statey* [State, Government, Society: from History to Modernity: Collection of Scientific Articles, Volume Issue 1]. Michurinsk: Michurinsk State Agrarian University: 55–57.
- Nikolsky S. A. (1987) Perestroyka obshchestvennogo soznaniya i preodolenie administrativno-byurokraticheskogo tipa upravleniya [Restructuring of Public Consciousness and Overcoming the Administrative and Bureaucratic Type of Management]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], (12): 110–118.
- Parnaby P., Sacco V. (2004) Fame and Strain: The Contributions of Mertonian Deviance Theory to an Understanding of the Relationship Between Celebrity and Deviant Behavior. *Deviant Behavior*, 25 (1): 1–26.
- Petrović J. (2019) Language Practices of the Romani Community in Serbia: Inclusion or Response to the Stigma? *RUDN Journal of Sociology*, 19 (2): 212–221.
- Shustova N. E., Kiseleva M. A., Karina O. V. (2015) Sotsial'naya mimikriya kak adaptivnyy sposob vzaimodeystviya lichnosti s sotsiumom v neblagopriyatnykh usloviyakh [Social Mimicry as an Adaptive Way of Personal Interaction with Society in Adverse Conditions]. *Nauchnyy vestnik MGIIT* [Scientific Bulletin of MGIT], 36 (4): 66–69.
- Skorchenko Yu. A. (2021) Politicheskie mimikriya i populizm kak geshtal't-tekhnologii [Political Mimicry and Populism as Gestalt Technologies]. *Archont*, (4): 68–74.
- Spivak G. C. (1988) Can the Subaltern Speak? In: C. Nelson, L. Grossberg (eds.) *Marxism and the Interpretation of Culture*. London: Macmillan Education LTD: 271–313.
- Veblen T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa* [Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress.
- Voloshina S. (2025) 'Istinnaya vakkhanaliya absolyutnoy vlasti': maskarady Nikolaya I. ['A Veritable Bacchanalia of Absolute Power': Masquerades of Nicholas I]. *Logos*, 35 (2): 193–232.